

В.В. Хан ¹

¹ к.ю.н., профессор кафедры специальных юридических дисциплин Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан
(г. Астана, Казахстан) e-mail: khanvitaliy@gmail.com

ЕВРАЗИЙСКАЯ ТИПОЛОГИЯ СЛЕДСТВЕННОЙ МОДЕЛИ ДОСУДЕБНОГО УГОЛОВНОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. Рассматривается и обосновывается типологическая модель предварительного следствия Белоруссии, Казахстана и России на основе генетических свойств и компаративного анализа данных уголовно-процессуальных систем, позволяющего выявить общие закономерности и региональные особенности, а также национальные отличия институционального характера. В этом контексте анализируются исторические предпосылки формирования самостоятельного следственного органа, особое внимание уделяется имевшей место асимметричности процессуального статуса следователя с его организационной диспозицией, которая на протяжении длительного времени оставалась камнем преткновения советской и постсоветской процессуальной мысли. Определяются преимущества создания автономного следственного органа, среди которых – повышение результативности следственной деятельности, устранение административной зависимости следователя от органов дознания и прокуратуры, а также оптимизация системы ведомственного контроля. Автором выделяется уникальность исторически сложившейся организационной диспозиции в форме Следственного комитета, которая, однако, в каждом из исследуемых государств приобрела свои специфические черты. В работе обосновывается вывод о том, что формальное создание обособленного следственного органа не всегда гарантирует процессуальную самостоятельность следователя; последняя нивелируется сохраняющимися элементами советской модели, а также расширением полномочий руководителя следственного органа и прокурора. На основе проведенного сравнительного анализа предлагаются пути оптимизации следственной модели, направленные на восстановление естественного предназначения следователя как независимого субъекта доказывания, стремящегося к установлению объективной истины.

Ключевые слова: следственная модель; процессуальная самостоятельность и независимость; процессуальный статус; следователь; следственный комитет.

Введение

Евразийская типология следственной модели досудебного уголовного производства, учитывая советскую генетику, устраняя сложившиеся теоретические и эмпирические противоречия, в результате пошла по пути создания специального автономного следственного органа. Этот выбор был обусловлен осознанием того, что организационная зависимость следователя от органов дознания и прокуратуры является главным препятствием для реализации его процессуальной самостоятельности.

Подобная идея имело место в теории уголовного процесса и в советское время, однако, следует признать, что ни наука, ни практика в советский период не была еще готова к созданию отдельного ведомства [дискуссии о едином следственном органе см.: 1; 2; 3; 4; 5, с. 138-142]. Причина заключалась в том, что теоретические разработки опережали эмпирическую реальность: правосознание прочно отводило следственному аппарату роль вспомогательного инструмента полиции и уголовного преследования, что не позволяло следователю вновь возвыситься до судебного уровня. Однако в теории уголовного процесса продолжала вызревать идея о необходимости

преодоления этого разрыва, поскольку именно асимметричная корреляция процессуальной самостоятельности следователя и его организационной подчинённости органам дознания и прокуратуры продолжала создавать устойчивый когнитивный и психологический диссонанс как для самих следователей, так и для правоприменительной практики в целом.

Цель настоящего исследования состоит в выявлении закономерностей и противоречий институционализации автономного следственного органа в государствах евразийского пространства, а также в определении оптимальной модели процессуальной самостоятельности следователя. Объектом исследования выступают общественные отношения, складывающиеся в сфере организации и функционирования предварительного следствия; предметом – процессуальный статус следователя и его организационная диспозиция в исторической ретроспективе и современном состоянии (на примере Казахстана, России и Беларуси). Хронологические рамки охватывают период с 1991 года по настоящее время, с акцентом на ключевые реформаторские этапы 1995-1996, 2007 и 2010-2011 годов. Научная проблема заключается в том, что, несмотря на формальное создание автономных следственных органов, асимметрия между статусом следователя и его организационным положением не только не преодолена, но и приобрела новые формы, что требует переосмысления самой следственной модели досудебного производства.

Методы и материалы

Методологическую основу исследования составил комплексный междисциплинарный подход, сочетающий диалектический, историко-правовой (диахронический) и сравнительно-правовой (компаративный) методы. Диалектический метод позволил рассмотреть эволюцию следственной модели сквозь призму её внутренних противоречий – асимметрии процессуального статуса следователя и его организационной диспозиции. Историко-правовой метод применён для анализа генезиса дискуссий о

едином следственном органе в советский и постсоветский периоды, а также для изучения хронологии реформ в Казахстане (1995-2007 гг.), России (2007-2011 гг.) и Беларуси. Сравнительно-правовой метод использован для сопоставления процессуальных полномочий прокурора, следователя и руководителя следственного органа в трёх юрисдикциях, что позволило выявить общие закономерности и национальные особенности трансформации следственной модели. Кроме того, задействованы системно-структурный метод (рассмотрение следственного органа в системе сдержек и противовесов) и формально-юридический метод (анализ нормативных актов, включая УПК РФ, УПК РБ, Конституцию РК, Федеральный закон № 403-ФЗ и законопроект 1993 года).

Эмпирическую базу исследования составили три группы источников: 1) научные труды и дискуссионные статьи процессуалистов (Головкин Л.В., Бабич Н.В. и др.), отражающие теоретические подходы к статусу следователя и принципам уголовного судопроизводства; 2) официальные статистические данные о работе следственных органов Казахстана в 1995-1996 гг., использованные для верификации эффективности реформ; 3) нормативные правовые акты – конституции и уголовно-процессуальные кодексы указанных государств, указы Президента РФ, а также проекты законов, не нашедшие легитимации. Хронологические рамки охватывают период с 1991 года по настоящее время с акцентом на ключевые реформаторские этапы. Логика анализа построена на принципе структурно-функциональной корреляции – сопоставлении процессуального статуса следователя с его организационной диспозицией с целью выявления точек асимметрии и коллизий в каждой из рассмотренных моделей досудебного уголовного производства.

Результаты и обсуждение

Казахстан первый на евразийском пространстве решился реализовать теоретическую концепцию автономного следственного органа, что позволило исключить зависимость прокурора от статистических показателей работы следствия

и сконцентрироваться на непосредственной функции – надзора за законностью осуществления оперативно-розыскной деятельности, дознания и предварительного следствия, а следователи прокуратуры перестали использоваться для проведения общенадзорных проверок.

Следователи полиции, в свою очередь избавились от административной зависимости органа дознания, перестали выполнять несвойственные функции по охране общественного порядка, дежурного по ОВД, общей профилактики правонарушений (и т.д.) и получили возможность требовать от органов дознания качественного исполнения данных им поручений и указаний.

Импульсом для создания обособленного следственного органа, обеспечивающего процессуальную самостоятельность и независимость следователя, а вместе с этим и эффективность реализации задач уголовного судопроизводства, также послужили возникшие на том историческом периоде новые организованные формы преступности и высокий рост коррупции.

И, надо признать, что посредством Государственного следственного комитета (далее – ГСК) проблема с организованной преступностью и коррупцией была решена. Казахстан при создании ГСК подошел к решению проблемы процессуальной самостоятельности и независимости следователя достаточно скрупулезно. Реформаторы понимали, что орган предварительного следствия – это не следственный аппарат, а следователь, который нуждается не только от административной зависимости от органа дознания и прокурора, но от административной зависимости от собственных руководителей, по судейскому примеру [5, с. 138].

В результате, если в 1995 г. следователями прокуратуры и органов внутренних дел расследовано 73360 уголовных дел, то следователями ГСК в первый 1996 г. самостоятельной работы – 95958. По итогам 1996 г. доля преступлений, расследованная органами ГСК, составила порядка 75% от общего количества всех преступлений, зарегистрированных в государстве, а по преступлениям в сфере экономики – почти 70%.

Таким образом, решение проблем института предварительного следствия, процессуальной самостоятельности и независимости следователя посредством создания ГСК и научным и материальным обеспечением его системы управления, кадрового потенциала, организации труда, высвобождение следователя от процента раскрываемости, позволили «уменьшить давление преступности и коррумпированных чиновников на интересы государства, его граждан и способствовать улучшению качества жизни» [6, с. 40-43].

Организация работы ГСК позволила сформировать эффективный симбиоз следственной и оперативно-розыскной работы, поставив следственную деятельность в качестве доминанты, в какой-то степени по аналогии с практикой ФБР.

По окончании трансформационного процесса национального истеблишмента процессуальная самостоятельность и независимость следственной власти утратила свою релевантность, и основной состав следственного аппарата перекочевал в структуру органов внутренних дел, поскольку действовавшая на тот момент 84 статья Конституции Республики Казахстан отделяла функцию прокурорского надзора от функции дознания и предварительного следствия, то есть не позволяла органам прокуратуры самостоятельно проводить расследования по уголовным делам.

Однако 21 мая 2007 года в результате очередной реформы уголовного процесса, направленной на реализацию прямого действия принципа судебной защиты прав и свобод человека и гражданина в досудебных стадиях уголовного процесса, в рамках конституционной гарантии неприкосновенности личности, статья 84 была исключена из Конституции Республики Казахстан. Одномоментно органы прокуратуры получили право осуществлять предварительное следствие в порядке альтернативной подследственности.

Подобные тенденции привели к рецидиву болезней советского периода, но уже в видоизмененных формах. Так, иждивенческая модель поведения дознавателей, осуществляющих производство по делам, по которым предварительное

следствие не обязательно, была частично купирована практикой назначения начальником органа дознания, указанных дознавателей, исполняющими обязанностями следователя, что поспособствовало индивидуализации ответственности за расследуемое уголовное дело.

В свою очередь, прокурор, приобретя избирательное право по производству предварительного следствия начал изымать перспективные дела для их окончания. Такая практика в конце концов вызвала возмущения со стороны полицейских органов и в последующем была пресечена политическим решением. На сегодняшний день следователи прокуратуры осуществляют производство предварительного следствия самостоятельно или путем руководства следственной или следственно-оперативной группой для обеспечения полноты и объективности расследования, а также по сложным и значимым делам.

Вместе с тем процессуальный статус следователя, его процессуальная самостоятельность и независимость, нивелированная положением «советской золушки», актуализировала научные дискуссии и научную разработку проекта закона об органах предварительного следствия и статусе следователя в Республики Казахстан [7, с. 136-143].

Россия приступила к реализации концепции о едином и обособленном следственном органе во второй половине 2000-х годов, хотя сами дискуссии о создании Федеральной службы расследования начались немного ранее [8].

В этих целях в 2007 году в УПК РФ и законодательстве о прокуратуре произошли изменения в части процессуального статуса следователя и его организационной диспозиции. Так в системе прокуратуры сформировалась новая структура – Следственный комитет, а вместе с ним появился и руководитель следственного органа, аккумулировавший в своих руках функции ведомственного контроля, ранее принадлежавшие прокурору. Изменение подобным образом сложившейся синтагматики позволили высвободить прокурора от несвойственных для него функций и перейти к парадигме, в которой

прокурор симметрично концентрирует свою деятельность на надзоре за законностью и уголовном преследовании.

Прокурор перестал управлять следователем, согласовывать и принимать решения в части: соединения и выделения уголовных дел; проведения следственных и иных процессуальных действий; отстранения следователя от дальнейшего производства расследования; отмены незаконных и необоснованных постановлений следователя, а также принимать участие в следственных действиях [9].

В рамках сохранения исторической справедливости следует отметить, что реализация идеи о едином и обособленном следственном органе практически состоялась в 1993 году, когда в первом чтении Верховного Совета России был принят проект закона «О следственном комитете Российской Федерации», однако, который так и не нашел свою легитимацию по причине политических противоречий российского истеблишмента.

В этой связи следующим этапом по усилению процессуальной самостоятельности и независимости следователя стал Указ Президента Российской Федерации «Вопросы Следственного комитета Российской Федерации» от 27 сентября 2010 г. № 1182, который довел до логического завершения вопрос об организационной диспозиции следователя, создав самостоятельный следственный орган – Следственный комитет Российской Федерации на базе Следственного комитета при Прокуратуре Российской Федерации. И уже 15 января 2011 года вступил в действие Федеральный закон «О Следственном комитете Российской Федерации» от 28 декабря 2010 года № 403-ФЗ.

Таким образом, в российском уголовном процессе, аналогично казахстанской реформы, функциональное положение прокурора, следователя и органа дознания обрело некую симметрию с их организационными диспозициями. Российский прокурор всецело стал фокусировать свою деятельность на функции надзора и уголовного преследования, а орган дознания получил возможность реализовывать свои полицейские функции.

Казалось бы, и позиции следователя

укрепились, если не обращать внимание на то обстоятельство, что на замену прокурорско-координатору, пришел руководитель следственного подразделения. Да и в отличие от исторического периода казахстанской реформы, российская реформа осуществлялась уже на этапе укоренившегося в уголовном процессе принципа состязательности и равноправия сторон.

Ведь, следовательно, как, впрочем, и орган дознания, утратили свою функциональную беспристрастность в период становления советского государства и стали отождествляться с органом уголовного преследования, то есть стороной обвинения.

При таких условиях функция предварительного следствия вступает в коллизию с нормами уголовно-процессуального закона, представляющие, по сути, некий абсурд, поскольку такие нормы, как справедливо отмечает профессор Л.В. Головкин, являются невыполнимыми. Дело в том, что подобные юридические конструкции не в состоянии высвободить следователя от обязанности собирать доказательства не только *contra*, но и *pro* обвиняемого в целях всестороннего установления обстоятельств дела, а также разрешать в пределах своей компетенции уголовное дело, прекращая его в том числе по вопросам существа [10, с. 264].

Российский уголовный процесс, на наш взгляд, слишком сильно увяз в гиперболизации, как подмечает профессор Л.В. Головкин: магического «состязательного треугольника», нивелируя тем самым принцип объективной (материальной) истины или его толерантный аналог, принцип всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела.

Здесь следует отдавать себе отчет, что оба этих принципа, состязательность и всесторонность, полнота и объективность, являются средствами достижения объективной (материальной) истины, но только в том случае, если используются уместно и по своему назначению. Ведь генетически следователь (в следственной модели) не является стороной процесса, его функция заключается в установление объективной (материальной) истины по уголовному делу, а, следовательно, сторонами процесса является прокурор (орган

уголовного преследования) и адвокат (защита), которые и должны состязаться в том числе и на стадии предварительного расследования.

Нарушение этой юридической формулы: «до суда и для суда», генетически превращает следственную модель досудебного уголовного производства в инструмент легитимации уголовного преследования, а следователя в «Золушку», что закономерно приводит к асимметрии «равноправия сторон» и усиливает обвинительный уклон правосудия.

Белоруссия подошла к реформе единого и обособленного следственного органа с присущей ей осторожностью и консервативностью: была преобразована организационная диспозиция следователя, но сохранена процессуальная зависимость от прокурора и автономная деятельность органа дознания.

В результате в функциональном аспекте процессуальная самостоятельность и независимость следователя ограничивается актами прокурорского надзора, а точнее процессуальными полномочиями прокурора, позволяющие ему: проверять уголовные дела; лично производить отдельные следственные и другие процессуальные действия при санкционировании меры пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, запрета определенных действий по уголовному делу, находящемуся в производстве следователя; осуществлять предварительное следствие в полном объеме; отменять незаконные и необоснованные постановления начальника следственного подразделения, следователя; прекращать производство по уголовному делу; разрешать отводы и самоотводы; разрешать жалобы на решения и действия следователя; выносить требование начальнику следственного подразделения, об устранении нарушений законодательства, допущенных следователем при приеме, регистрации и рассмотрении заявления или сообщения о преступлении, в ходе предварительного следствия; санкционирование мер пресечения, следственных и иных процессуальных действий, направленных на ограничение конституционных прав и свобод; возвращать уголовные дела следователю со своими

письменными указаниями, обязательными для исполнения, о производстве дополнительных следственных и других процессуальных действий для производства дополнительно предварительного расследования, а также для предъявления нового обвинения в случае необходимости его дополнения, изменения на более тяжкое или на существенно отличающееся по фактическим обстоятельствам от первоначального обвинения либо для составления нового постановления, а также при отмене постановления о прекращении предварительного расследования; направлять уголовные дела следователю для производства дополнительно предварительного расследования в случае передачи судом уголовного дела при постановлении оправдательного приговора за недоказанностью участия обвиняемого в совершении преступления, если лицо, совершившее преступление, остается неустановленным, либо для производства предварительного расследования в случае передачи судом уголовного дела, выделенного в отдельное производство в связи с оправданием обвиняемого по отдельным пунктам обвинения за недоказанностью участия в совершении преступления или при оправдании одного из нескольких обвиняемых за недоказанностью участия в совершении преступления (ч. 5 ст. 34 УПК РБ).

Вместе с тем процессуальная самостоятельность и независимость следователя, помимо прокурора, ограничивается еще и широкими процессуальными полномочиями руководителя следственного органа. Так, Н.В. Бабич вполне резонно отмечает, что ведомственный синкретизм следственной и оперативно-розыскной функции приводит к нарушению прав и свобод человека и гражданина в уголовном судопроизводстве. Ведь, при синкретической формуле совмещения таких функций действительно может запуститься механизм фальсификации результатов оперативно-розыскной деятельности в целях поддержания статистических показателей в раскрываемости преступлений в силу выполнения плана. По этой причине Н.В. Бабич полагает, что Белоруссия тем самым купировала ошибку

Казахстана [16].

Однако Казахстан не использовал синкретический подход, а пошел по пути следственного и оперативно-розыскного симбиоза, при доминирующей позиции следователя, позволившей обеспечить реализацию процессуальной самостоятельности и независимости следователя и изменить сингуляторное раскрытие преступлений, на плюралистическое расследование – установление объективной (материальной) истины по уголовному делу. По этой причине одной из ключевых проблем в деятельности ГСК Республики Казахстан, напротив, было отсутствие должного механизма взаимодействия с органом дознания в силу сложившейся ведомственной разобщенности.

В этой связи даже установленное целевое преимущество автономного следственного органа Республики Беларусь в компаративной корреляции со Следственным комитетом Российской Федерации, объективированное в качестве принципа всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела, фактически нивелируется полномочиями прокурора, руководителя следственного органа и разобщенным взаимодействием с органом дознания (оперативно-розыскной деятельностью).

В то же время следует признать, что существующий в Республике Беларусь здоровый консерватизм имеет свои преимущества по отношению к авангардному реформированию уголовного судопроизводства остальных постсоветских государств. Потому как к реформированию правовой системы, правовой мысли, правовой науки и образования, всегда следует подходить с особой аккуратностью и щепетильностью. Соответственно, в основе такой методологии лежит мировоззренческий аспект и превалирование институциональной памяти.

Таким образом, диахронические пласты судебно-следственной и прокурорско-полицейской типологии следственной модели синхронизировались посредством уникальной организационной диспозиции, определившей процессуальную самостоятельность и независимость следователя в системе сдержек

и противовесов евразийской композиции уголовного судопроизводства.

Заключение

Евразийская типология, воплотившая в жизнь концепцию автономного следственного органа, обеспечивающего симметрию имманентных свойств процессуального статуса следователя с его организационной диспозицией, все же не смогла до конца реализовать параметры следственной модели.

Такая тенденция, сохраняющая мифические композиции советского типа, сгенерировала новые коллизии и новую асимметрию, сменившей, по сути, угол своей фокусировки, отразившейся на бюрократизации деятельности следователя, его процессуальной самостоятельности и независимости.

В этой связи оптимизация следственной модели российского и белорусского типа досудебного уголовного производства возможно посредством чёткого соблюдения параметров следственной модели, позволяющий сохранить природное назначение следователя в системе сдержек и противовесов властей, процесса доказывания, а также непосредственно в системе самого уголовного процесса.

Иными словами, следователь должен перестать отождествляться с органом уголовного преследования, поскольку по своей процессуальной и диалектической природе он не является стороной уголовного процесса. Следовательно коррекция его процессуальной деятельности возможно исключительно путем обжалования его

действий и решений, признание полученных фактических данных, не имеющих силу доказательства непосредственно самому следователю или следственному судье.

Таким образом, надзор за законностью и контроль за исполнительской дисциплины (в рамках уголовно-процессуального закона) осуществляют стороны уголовного процесса путем принесения ходатайство и жалоб, что позволяет де бюрократизировать следственную работу и сконцентрировать внимание следователя на реализации его основной функции – предварительном следствии: «до суда и для суда».

Следователь процессуальное самостоятельный и независимый субъект уголовного процесса в целом и уголовно-процессуального доказывания в частности, стремящийся к установлению объективной (материальной) истины, руководствуясь с при этом всесторонностью, полнотой и объективностью исследования обстоятельств дела.

Определять стратегию направления его деятельности, концепцию умозаключения, никто не имеет права, в силу его особого процессуального статуса, не прокурор, не начальник следственного органа, создающие в объективной реальности исключительно бюрократию в следственной работе, не имеющий никакого отношения к процессу доказывания, верификации следственной версии. Потому как следователь руководствуется принципом свободной оценки доказательств по внутреннему убеждению, основанном на законах и правилах формальной и диалектической логики.

Список литературы

- 1 Лаговьер Н. Полезный почин в судебном-следственном строительстве // Советская юстиция, 1930. – № 38. – С. 19-23.
- 2 Строгович М.С. О дознании и предварительном следствии и о «единственном следственном аппарате» // Социалистическая законность, 1957. – № 5. – С. 21-26.
- 3 Барсуков М.В. За дальнейшее совершенствование организации и деятельности советской милиции // Советское государство и право, 1957. – № 4. – С. 35.
- 4 Жогин Н.В. Роль и место следственного аппарата в СССР // Социалистическая законность, 1969. – № 7. – С. 17.
- 5 Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. – М.: Юрид. лит., 1991. – 240 с.
- 6 Когамов М.Ч. Государственный следственный комитет: версии, опыт, проблемы, решения: Монография. Изд. 2-е. – Алматы: Жеті жарғы, 2004. – 195 с.
- 7 Темиралиев Т.С. Процессуальный статус следователя: история, современность и перспективы развития: Монография. – Алматы: «TST Company», 2011. – 192 с.

- 8 Александров А. Нужно ли создавать Федеральную службу расследований? // Юридический вестник, 2002. – № 5. – С. 37-39.
- 9 Лоза Т.В. История создания и становления Следственного комитета Российской Федерации // Электронный журнал «Наука. Общество. Государство». – 2013. – №. 1 (1). – с. 1-12.
- 10 Головкин Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство: Монография. – М.: Издательский Дом «Городец», 2022. – 464 с.

References

- 1 Lagoviyer N. Poleznyy pochin v sudebno-sledstvennom stroitel'stve // Sovetskaya yustitsiya, 1930. – № 38. – S. 19-23.
- 2 Strogovich M.S. O doznanii i predvaritel'nom sledstvii i o «yedinstvennom sledstvennom apparate» // Sotsialisticheskaya zakonnost', 1957. – № 5. – S. 21-26.
- 3 Barsukov M.V. Za dal'neysheye sovershenstvovaniye organizatsii i deyatelnosti sovetskoy militsii // Sovetskoye gosudarstvo i pravo, 1957. – № 4. – S. 35.
- 4 Zhogin N.V. Rol' i mesto sledstvennogo apparata v SSSR // Sotsialisticheskaya zakonnost', 1969. – № 7. – S. 17.
- 5 Tomin V.T. Ostryye ugly ugolovnogo sudoproizvodstva. – М.: Yurid. lit., 1991. – 240 s.
- 6 Kogamov M.CH. Gosudarstvennyy sledstvennyy komitet: versii, opyt, problemy, resheniya: Monografiya. Izd. 2-ye. – Almaty: Zhetı zhargy, 2004. – 195 s.
- 7 Temiraliyev T.S. Protssessual'nyy status sledovatelya: istoriya, sovremennost' i perspektivy razvitiya: Monografiya. – Almaty: «TST Company», 2011. – 192 s.
- 8 Aleksandrov A. Nuzhno li sozdavat' Federal'nyu sluzhbu rassledovaniy? // Yuridicheskiy vestnik, 2002. – № 5. – S. 37-39.
- 9 Loza T.V. Istoriya sozdaniya i stanovleniya Sledstvennogo komiteta Rossiyskoy Federatsii // Elektronnyy zhurnal «Nauka. Obshchestvo. Gosudarstvo». – 2013. – №. 1 (1). – с. 1-12.
- 10 Golovko L.V. Gosudarstvo i yego ugolovnoye sudoproizvodstvo: Monografiya. – М.: Izdatel'skiy Dom «Gorodets», 2022. – 464 s.

В.В. Хан ¹

¹з.ғ.к., Қазақстан Республикасы Бас прокуратурасы жанындағы Құқық қорғау органдары академиясының арнайы заң пәндері кафедрасының профессоры (Астана қ., Қазақстан)
e-mail: khanvitaliy@gmail.com

СОТҚА ДЕЙІНГІ ҚЫЛМЫСТЫҚ ІС ЖҮРГІЗУДІҢ ТЕРГЕУ МОДЕЛІНІҢ ЕУРАЗИЯЛЫҚ ТИПОЛОГИЯСЫ

Аңдатпа. Мақалада Беларусь, Қазақстан және Ресей мемлекеттеріндегі алдын ала тергеудің типологиялық моделі генетикалық қасиеттер мен қылмыстық-процестік жүйелер деректерін компаративтік талдау негізінде қарастырылып, ғылыми тұрғыда негізделді. Бұл тәсіл жалпы заңдылықтарды, өңірлік ерекшеліктерді, сондай-ақ институционалдық сипаттағы ұлттық айырмашылықтарды айқындауға мүмкіндік берді. Осы тұрғыдан дербес тергеу органының қалыптасуының тарихи алғышарттары талданып, тергеушінің процессуалдық мәртебесі мен оның ұйымдастырушылық диспозициясы арасындағы бұрын орын алған асимметрияға ерекше назар аударылды. Аталған мәселе ұзақ уақыт бойы кеңестік және посткеңестік процессуалдық ойдың түйткілді мәселелерінің бірі болып келді. Автономды тергеу органын құрудың артықшылықтары айқындалды, олардың қатарында – тергеу қызметінің нәтижелілігін арттыру, тергеушінің анықтау органдары мен прокуратурадан әкімшілік тәуелділігін жою, сондай-ақ ведомстволық бақылау жүйесін оңтайландыру бар. Автор тарихи тұрғыда қалыптасқан ұйымдастырушылық диспозицияның Тергеу комитеті нысанындағы бірегейлігін атап өткенімен, ол зерттеліп отырған әрбір мемлекетте өзіндік ерекшеліктерге ие болғанын көрсетеді. Жұмыста дербес тергеу органын формальды түрде құру әрдайым тергеушінің процессуалдық дербестігін қамтамасыз ете бермейтіні туралы қорытынды негізделді; соңғысы кеңестік модель элементтерінің сақталуы, сондай-ақ тергеу органы басшысы мен прокурор өкілеттіктерінің кеңейі арқылы көрініс табады. Жүргізілген салыстырмалы талдау негізінде тергеу моделін оңтайландыру жолдары ұсынылды, олар дәлелдеу субъектісі ретінде тергеушінің мақсатын – объективті ақиқатты анықтауға ұмтылатын тәуелсіз субъект ретіндегі рөлін қалпына келтіруге бағытталған.

Түйін сөздер: тергеу моделі; процессуалдық дербестік және тәуелсіздік; процессуалдық мәртебе; тергеуші; тергеу комитеті.

V.V. Khan¹

¹ c.l.s., Professor at the Department of Special Legal Disciplines Academy of Law Enforcement Agencies under the General Prosecutor's Office of the Republic of Kazakhstan
(Astana, Kazakhstan)

EURASIAN TYPOLOGY OF INVESTIGATIVE MODEL OF PRE-TRIAL CRIMINAL PROCEEDINGS

Abstract. *The typological model of preliminary investigation in Belarus, Kazakhstan, and Russia is examined and substantiated on the basis of genetic characteristics and a comparative analysis of criminal procedural systems, enabling the identification of general patterns, regional specificities, and national institutional distinctions. In this context, the historical prerequisites for the establishment of an independent investigative body are analyzed, with particular attention paid to the asymmetry that existed between the procedural status of the investigator and their organizational disposition – an issue that, for a considerable period, remained a stumbling block in Soviet and post-Soviet procedural doctrine. The advantages of establishing an autonomous investigative body are identified, including enhanced effectiveness of investigative activities, the elimination of the investigator's administrative dependence on inquiry bodies and the prosecutor's office, as well as the optimization of departmental oversight mechanisms. The author emphasizes the uniqueness of the historically developed organizational configuration in the form of an Investigative Committee, which, however, has acquired specific features in each of the states under consideration. The study substantiates the conclusion that the formal establishment of a separate investigative body does not necessarily guarantee the procedural independence of the investigator; the latter is undermined by the persistence of elements of the Soviet model, as well as by the expansion of the powers of the head of the investigative body and the prosecutor. Based on the conducted comparative analysis, the paper proposes avenues for optimizing the investigative model, aimed at restoring the inherent role of the investigator as an independent subject of proof, committed to establishing objective truth.*

Keywords: *investigative model; procedural autonomy and independence; procedural status; investigator; investigative committee.*